

ПРИЧИТАНЬЯ
СЪВЕРНАГО КРАЯ

СОВРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

E. V. Barsov.

ЧАСТЬ I.

ПЛАЧЪ ПОХОРОПНЫЕ, НАДГРОБНЫЕ И НАДМОГПЛЬНЫЕ.

ИЗДАНЫ

ПРИ СОДѢЙСТВІИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Тип. „Современ. Изв.“ Знаменка. Ваганьк. пер. д. Игнатьевой.

1873.

Ballads, etc.
Rural

©

ПРИЧИТАНЬЯ СЪВЕРНАГО КРАЯ

СОВРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

E. V. Barsov.

ЧАСТЬ I.

ПЛАЧЬ ПОХОРОННЫЕ, НАДГРОБНЫЕ И НАДМОГИЛЬНЫЕ.

ИЗДАНЫ

ПРИ СОДѢЙСТВІИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Тип. „Современ. Изв.“ Знаменка. Ваганьк. пер. д. Игнатьевой.

1879.

27221.20 (1)

1874, Dec. 18.
Subscription Fund.

(I.)

2012
50
6

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОБЩЕСТВУ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Обществу Любителей Россійской Словесности обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ настоящая книга.

Оно именно своими изданіями народнаго творчества вызвало потребность и трудъ настоящаго собранія причитаній. Оно же оказало нравственное и матеріальное содѣйствіе къ напечатанію ихъ.

Посвящая Обществу эту книгу, собиратель исполняетъ въ отношеніи къ нему долгъ глубокой благодарности.

Онъ считаетъ себя счастливымъ, что можетъ присоединить свой скромный трудъ къ такимъ патриотическимъ изданіямъ, какъ Толковый Словарь Даля, Пѣсни Рыбникова, Кирѣевского, Безсонова, которыя навсегда связаны съ исторіей русскаго слова, народной мысли и жизни и которыя, безъ сомнѣнія, будутъ цѣниться тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться народное самопознаніе.

Особую дань благодарности приносить собиратель Предсѣдателью Общества — А. И. Кошелеву, который прежде всѣхъ съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ настоящему собранію.

Долгомъ считаетъ онъ также выразить признательность П. А. Безсонову, И. Д. Бѣляеву и Н. А. Чаеву, которые, по порученію Общества, не только принимали участіе въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ собраннаго матеріала, но и выработали еще правила для настоящаго изданія.

С. Барсовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	I — XXX
✓ Плачь вдовы по мужѣ	1 — 44
✓ — дочери по отцѣ	45 — 57
✓ Тоже — — —	58 — 60
— дочери по матери	61 — 72
Тоже — — —	74 — 79
Плачь по женѣ	80 — 87
✓ Плачь по сынѣ	88 — 114
— по дочери	114 — 125
— по крестницѣ	126 — 136
✓ Плачь по родномъ братѣ	136 — 162
— по сестрѣ	162 — 164
— по дядѣ родномъ	164 — 187
✓ Плачь по братѣ двоюродномъ	197 — 209
— по дядѣ двоюродномъ	209 — 231
— по сватѣ	231 — 245
Плачь по убитомъ громомъ—молвіей	245 — 252
Плачь о потоппшихъ	252 — 267
Тоже	267 — 271
Плачь о упынсливой головушкѣ	271 — 282
— о старостѣ	282 — 288
— о писарѣ	288 — 293
— о попѣ отцѣ духовномъ	293 — 298
Погребальные обычаи на Сѣверѣ въ Россіи	299 — 313
Свѣденія о воиленницахъ, отъ которыхъ записаны причитанья	313 — 327
Сѣверно-русскій Словарь	I — XXI
Общія замѣчанія о языкѣ причитаній	XXII — XXXIII
Дополненія и погрѣшности	

1
0-7
48

Похоронныя причитанія суть непосредственныя изліянія тѣхъ думъ и ощущеній, какія вызываются въ человѣкѣ потерей родныхъ и близкихъ сердцу. Уже одно то, что онѣ суть отголоски сердечныхъ движеній, что онѣ въ одно и тоже время и творятся и поются, что онѣ сколько связаны съ состояніями духа, столько же опираются на внѣшней дѣйствительности, ручается за ихъ цѣнность для внутренней исторіи народовъ, для ихъ вѣрованій и быта, для ихъ языка и искусства. Если въ былинахъ, пѣсняхъ, побывальщинахъ и даже сказкахъ вызывается душа народа, то въ надгробныхъ и надмогильныхъ плачахъ еще скорѣе можетъ сказаться та правда, которой нѣтъ въ дѣловыхъ актахъ, договорахъ и хроникахъ. Едва ли кто останется равнодушнымъ къ тому, что самъ народъ въ минуты горести повѣдаетъ самому себѣ и для себя, что рассказываетъ онъ о своемъ житьѣ — бытьѣ родному мертвецу, колодѣ бѣлодубовой и чатушкѣ сырой землѣ.

Развитіе и характеръ погребальной причеты, безъ сомнѣнія, обуславливается степенями развитія религіознаго сознанія. Начало ея относится къ тому времени, когда человѣкъ вступилъ въ формы семейной жизни и почувствовалъ въ себѣ порожденіе нравственныхъ привязанностей. Но въ первыхъ похоронныхъ плачахъ можно выразиться не столько сътованія о потерѣ родныхъ и близкихъ, сколько священнаго уваженія къ нимъ. Простое и безотчетное чувство жизни не допускало разрушенія смерти и окружало мертвыхъ благоговѣйнымъ почитаніемъ, какъ высшихъ, невиди-

II

мыхъ существъ, какъ стражей и покровителей живой семьи и родного дома.

Съ разширеніемъ общественныхъ отношеній, съ развитіемъ обожанія силъ и явленій природы и погребальная причеть принимаетъ болѣе широкое развитіе и естественную изобразительность. Послѣдній долгъ умершему отдаетъ уже не семья только, но и „родъ—племя любимое и сусѣди спорядовые и народъ да люди добрые. “Мнѣны являются невольными формами мысли и налагаютъ печать свою на поэтическое слово, вызываемое потерей родныхъ и близкихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ народъ отрѣшается отъ младенческаго отношенія къ природѣ и пріобрѣтаетъ новыя понятія о смерти и посмертномъ существованіи, образы, отражавшіе въ себѣ живое миѣическое созерцаніе постепенно помрачаются и забываются а вмѣстѣ съ тѣмъ и причеть теряетъ свой изначальный, эпическій характеръ, переполняется лирическими элементами, смѣшивается съ бытовыми явленіями позднѣйшаго свойства и перестаетъ быть общимъ достояніемъ всего народа.

Но не вдругъ можетъ исчезнуть то, что въ самомъ зарожденіи получило священный характеръ и что въ теченіи вѣковъ питалось религіознымъ содержаніемъ. Изъ среды народа выступаютъ личности, которыя долго еще являются носителями древней, погребальной причети, извѣстныя подъ именемъ плакальщицъ или вопленицъ; въ данныхъ случаяхъ онѣ пользуются едва ли не священнымъ уваженіемъ въ народѣ; и долгъ въ отношеніи умершихъ и тяжелое чувство дорогой потери, ищущее облегченія въ ясно-сознанныхъ думахъ и слововыраженіи, долгое время поддерживаютъ еще ихъ существованіе. Благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, вопленицы живо усвоятъ, сохраняютъ и преемственно передаютъ другъ другу формы и отчасти содержаніе древней, священной причети. Время и исторія мало по малу стираютъ содержаніе плачей, но онѣ долго еще не могутъ осилить присущей имъ свѣжести и силы живыхъ явленій природы и совсѣмъ уничтожить ихъ воздѣйствіе на человѣческую дѣшу. Вопленица по преимуществу является истолковательницей семейнаго горя; она входитъ въ по-

ложеііе осиротѣвшихъ; она думаетъ ихъ думами и переживаетъ ихъ сердечныя движенія; чѣмъ богаче ея запасъ готовыхъ оборотовъ и древнихъ эпическихъ образовъ, чѣмъ лучше обрисовываютъ она думы и чувства въ животрепещущихъ явленіяхъ природы, тѣмъ умильнѣе и складнѣе ея причитанье, тѣмъ большимъ пользуется она вліяніемъ и уваженіемъ среди народа. Отдать послѣдній долгъ умершему собираются иногда цѣлыя селенія, а потому мы не вполне опредѣлимъ значеніе вопленицы, если будемъ представлять ее истолковательницей чужаго горя; вліяніе ея— шире: она объявляетъ во всеуслышаніе нужды осиротѣвшихъ и указываетъ окружающимъ на нравственный долгъ поддержки, она повѣдаетъ нравственныя правила жизни, открыто высказываетъ думы и чувства, симпатіи и антипатіи, вызываемыя такимъ или другимъ положеніемъ семейной и общественной жизни...

У всѣхъ народовъ древняго и новаго міра были такого рода причитанія. Не говоримъ о Еврейскихъ „плачевникахъ“¹⁾. Римъ и Еллада въ самыя цвѣтушія свои времена имѣли подобныхъ вопленицъ.

У Грековъ²⁾ пѣвцы, начинатели плача, стояли около гроба, и пѣсни плачевныя пѣли, а жены имъ вторили стономъ³⁾. Въ Римѣ погребальныя трубы и флейты, также сопровождались жалобными воплями и причѣтами подголосницъ⁴⁾. Но ни Эллинскія „стоны“ ни Римскія вопли— не сохранились для науки.

Въ Европѣ обычай голосить по умершимъ былъ также

1) Иерем. IX, 17. Примѣръ подобнаго плача см. въ кн. 2 Царст. 1, 17—22.

2) Иліад. Пѣсн. XXIV.

3) У Грековъ онѣ извѣстны были подъ именемъ *Θρηνηδων γυναικων*.

4) У Римлянъ онѣ назывались „*Praefica*“ а самый плачь „*Legum*“, или *lenia*.

Ихъ осѣивалъ еще Люцилій; женщины, говоритъ онъ, по найму воють о покойникахъ, рвутъ на себѣ волосы и отъ того еще громче вопять (*Satyr. XII*). Нѣкоторые изъ нихъ такъ искусно умѣли голосить, что плачь ихъ легко было принять за дѣйствительное изліаніе горести и отъ того ихъ называли еще плаксивыми притворщицами. *Varro lib. VI*. Императоръ Юстиніанъ замѣнилъ причетъ погребальнымъ гимномъ и вмѣсто воплей повелѣлъ провожать умершихъ съ пѣніемъ Псалмовъ Давидовыхъ.

IV

всеобщимъ, но и здѣсь, къ сожалѣнію, онъ не сдѣлался предметомъ надлежащаго вниманія ученыхъ. Нѣсколько только причитаній, записано у Корсиканцевъ ³⁾, Новыхъ грековъ ⁴⁾ и Сербовъ ⁵⁾.

У насъ въ Россіи причитанія, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, всегда составляли существенную часть погребальнаго обряда; ихъ можно слышать и нынѣ по всей русской землѣ; во тогда какъ вездѣ онѣ приняли лирическій характеръ и удержались только въ отрывкахъ, въ сѣверныхъ, русскихъ предѣлахъ онѣ сохранились въ замѣчательной полнотѣ, со многими чертами эпическаго построенія.

³⁾ *Corsica von Ferdinand Gregorovius* ч. I 1852. *Hommes et Dieu — Paul de Saint — Victor* 1868 г. 319 *Les voceratrices de la Corse*. *Stimmen der völker in Liedern* Johann Gottfried von Herder. 1846 p. 434. *Italianisches Liederbuch von Paul Heyse* 1846 p. 229—236.

Въ Корсику — воленицы представляютъ изъ себя фурий, которыя производятъ страшное впечатлѣніе, особенно когда плачутъ надъ убитыми. Рассказываютъ, что одинъ убійца, присутствуя при похоронахъ своей жертвы, въ капюшонской мантии, такъ былъ тронутъ причитаніями, что весь задрожалъ какъ осиновый листъ и выронилъ изъ рукъ своихъ погребальную свѣчу. Въ Сардиніи нѣкоторые изъ подобныхъ воленицъ такъ прославились въ прошломъ столѣтіи что до сихъ поръ съ уваженіемъ произносятся ихъ имена; какъ то: *Mariola delle Piazzole* и *Olorinda Franceschi*.

⁴⁾ *Chants populaires de la Grece Moderne*. т. II 1845.

Не было человѣка, говоритъ Фьрель, воспитаннаго въ гористыхъ странахъ Греціи, который бы не имѣлъ случая хоть разъ въ жизни слышать что нибудь особенное и поразительное въ этомъ родѣ; но никому и на мысль не приходило, чтобы эти поэтическія изліянія горести могли быть занимательными отъ того мѣста и той минуты, гдѣ и когда онѣ были произносимы. Этими, продолжаетъ онъ, объясняются напрасныя мои попытки добыть нѣсколько полныхъ жеріологовъ: все, что я могъ собрать изъ этого рода произведеній, ограничивается двумя отрывками, по 4 стиха каждый; но, къ счастью, и эти отрывки даютъ нѣкоторое понятіе объ этомъ родѣ творчества болѣе народночъ изъ всѣхъ родовъ импровизаціи.

⁵⁾ Нѣсколько „Нареканій и тужбалицъ“ напечатано у В. С. Караджича въ его сборникѣ: *Жизнь и обычаи Montenegro* Н. Спр. 154—159)

Впрочемъ не у однихъ Сербовъ наблюдается обычай причитать по умершимъ; онъ держится у всѣхъ Славянъ У Черногорцевъ до сихъ поръ причитанія соединяются съ тѣми же длинными выраженіями печали какъ и въ Корсику. Наимыя воленицы водятся въ Сербіи, Герцоговинѣ и Черногоріи (см. О погреб. обыч. изм.-чешск. Слав. А. Котавревскаго.

Первымъ источникомъ—для изученія этихъ плачей служить, безъ сомнѣнія, наши древнія лѣтописи. Изъ нихъ мы видимъ, что погребальныя плачи въ ихъ обрядовомъ значеніи проходятъ чрезъ всю русскую исторію.... Ими сопровождались похороны; умре Олегъ, гласить Несторъ, и плакашася по немъ вси людѣ плачемъ великомъ и несоша и погребоша и на горѣ ¹⁾. Плачи считались необходимою принадлежностію тризны. „Се уже иду къ вамъ, говорила Ольга Древлянамъ, да пристроите меды многи, во градъ, идѣже убьете мужа моего, да поплачуся надъ гробомъ его и сотворю тризну мужу моему ²⁾. Плачи начинались тотчасъ же, при умираиіи человѣка. Ослѣпленный Василько—съ раздавленной грудью привезенъ былъ въ село Воздвиженское и „сволокоша съ него сорочку кроваву сущу, и вдаша попадѣи опрати и плакатися нача попадѣи, аки мертву сущу оному ³⁾).

Эти изстаринныя, погребальныя плачи не дошли до насъ въ ихъ подлинномъ и точномъ видѣ; но нѣкоторые отрывки, сохранившіеся въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, судя по сходству ихъ съ народными причитаніями, отчасти указываютъ на черты и характеръ древней погребальной причети. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе превосходный плачь Ярославны, внесенный въ Слово о полку Игоревѣ. Плачь этотъ, несомнѣнно, отражаетъ въ себѣ особенности изстаринной, народной причети. Образъ зегзицы, въ коемъ представляется плачущая Ярославна, обращеніе къ вѣтрамъ, къ рѣкѣ, къ солнцу—это такіе эпическіе приемы, которые встрѣчаются и въ современныхъ народныхъ плачахъ.

Другой родъ памятниковъ, въ которыхъ сохранились черты древне-русскихъ причитаній объ умершихъ—представляютъ житія русскихъ святыхъ. Здѣсь встрѣчаются иногда отрывки подобныхъ плачей; уже одно то, что эти плачи не отвѣчаютъ общему характеру житій Святыхъ, для которыхъ

¹⁾ Собр. русс. лѣт. г. 16.

²⁾ Тамъ же—г. 24.

³⁾ Тамъ же—г. 111.